

УДК 327

Журбей Е.В.

Внешняя политика и внешнеполитический процесс администрации Дж. Буша-старшего

**Foreign policy and foreign political process
of the George H.W. Bush administration**

Данная статья посвящена внешнеполитическому процессу республиканской администрации Джорджа Буша-старшего в период 1989 – 1992 годов. Автор уделяет особое внимание технологической стороне работы высшего руководства США и обеспечению международного курса государства. Продуктом функционирования внешнеполитического процесса является – политика, курс, формы поведения во внешней для него сфере, то есть содержание внешней политики. В статье на основе научных моделей принятия решений анализируется внешняя политика США в период республиканской администрации Дж. Буша – старшего.

Ключевые слова: *внешняя политика, внешнеполитический процесс, новый мировой порядок, модель рационального выбора, когнитивная модель, модель группового мышления, модель анализа внутренней политики правительством, модель оценки внутривнутриполитических факторов*

This article focuses on the foreign policy process of the republican administration of George H.W. Bush during the 1989 – 1992 periods. The author pays particular attention to technological aspects of the work of the top U.S. administration and ensures an international course of the state. The product of the functioning of the foreign policy process is – politics, policy, forms of behavior in the outer sphere for it, that is, the content of foreign policy. On the basis of scientific decision-making models the U.S. foreign policy of the republican administration of George H.W. Bush is being analyzed.

Key words: *foreign policy, foreign policy process, the new world order, a model of rational choice, cognitive model, the groupthink, the model analysis of internal government policy, the model estimates the domestic political factors.*

Глобальные изменения в сфере мировой политики в конце 80-х – начале 90-х гг. позволили многим "реальным" политикам (политиче-

ским руководителям, дипломатам, военным и др.) вслед за специалистами по безопасности и представителями академических кругов говорить о грядущей "новой" эре в области международных отношений. "Бархатные революции" в странах Восточной Европы, падение Берлинской стены побудили академическую среду США к поиску обоснования происходящих и предстоящих изменений. В этой связи появляются дискурсы "о новом мировом порядке", "о конце истории" и "столкновении цивилизаций". По мнению французского политолога Д. Биго, появление подобных мифологем является закономерным процессом в силу их жизненной необходимости. Последующий крах биполярной системы выбил почву для "работы" у специалистов по безопасности, которых можно рассматривать в качестве промежуточного "сословия" между "реальными" политиками и представителями академического сообщества. Функции данных деятелей заключались в улавливании стихийных реакций, поступающих от "реальных" политиков и оформление данных реакций в некие теоретические суждения. Наибольшая концентрация подобных специалистов в США наблюдается в первую очередь в Совете Национальной Безопасности (СНБ) и различных внешнеполитических фондах, "обслуживающих" ту или иную американскую партию. Долговременное спокойствие, связанное с эффективным использованием капитала коммунистической угрозы, начиная от Трумэна и заканчивая Рейганом, "на рубеже 90-х гг. подорвало позиции стратегов и акторов сферы безопасности, минимизировало роль специфических знаний в управлении внешней угрозой, которая служила основой их символической власти и социальной легитимности" [1, с. 268]. По мнению того же Д. Биго, одновременное появление множества подобных дискурсов свидетельствует в первую очередь о стремлении сохранения за собой статуса эксперта и советников профессионалов безопасности, способных делать прогнозы в области международных отношений [1, с. 268].

Одной из таких "внешнеполитических мифологем" конца 80-х гг. XX в. стала "мифологема" конца истории американца с японскими корнями Ф. Фукуямы, который занимал должность заместителя директора группы политического планирования Дениса Росса в Государственном департаменте США [3, с. 260]. Фукуяма констатировал "конец истории", а если точнее, то конец ее смысла. Даже в случае продолжения или возникновения каких-то политических, религиозных или этнических конфликтов их потенциал будет в период "новой" эры международных отношений незначительным или даже отсутствовать, по причине отсутствия смысла их продолжения или начала. Смысл потенциальных войн исчезает, так как враждующие стороны должны с наступлением "новой" эры разделять единые принципы сосуществования в мировом пространстве. В качестве таковых принципов должны выступать победившие в острой борьбе с коммунизмом принципы либеральной демократии, которая является идеальной формой человеческого общежития и даже в перспективе не может быть радикально улучшена. В этой связи известное изречение У. Черчилля о том, что "у демократии много недостатков, но у нее есть и одно достоинство, состоящее в том, что до сих пор никто не изобрел ничего лучшего", и в последующие поколения останется актуальным и хрестоматийным.

Распад Советского Союза в декабре 1991 г. был воспринят в качестве идеологической победы. Восприняв должным образом умозаключения по поводу конца смысла истории, и вытекающих из этого последствий специалисты сферы безопасности, а вслед за ними и представители "реальной" политики записали данную глобальную победу либерализма на свой счет. Классическим примером либеральной демократии выступала, несомненно, американская либеральная демократия, а весь историче-

ский опыт развития США должен был свидетельствовать о единственно правильном и единственно возможном пути развития остального мира. Кризис американской экономики, наметившийся в последние годы правления Р. Рейгана и отчетливо проявившийся в годы правления Дж. Буша навевали на республиканскую администрацию явственный пессимизм по поводу ближайшего развития событий. Вовремя подвернувшаяся "глобальная революция" в системе международных отношений и реальная эффективная демонстрация американской военной мощи в ходе удачной кампании в Персидском заливе вернули былую уверенность в специалистах от сферы безопасности.

Глобалистские заключения Ф. Фукуямы, приведенные в его работе "Конец Историй", более характерные для последующих демократов, незаметно вернули к жизни незабвенные лозунги политического реализма Г. Моргентау. Прежде всего, это относится к феномену силы – власти. Современные эпигоны Г. Моргентау от сферы "реальной" политики "рассматривали крах биполярности как американский триумф, и если меньше настаивали на ценностях, то делали акцент на резком изменении в распределении власти в мировом масштабе, в особенности после "войны в Заливе", которая вернула военному измерению новый блеск" [1, с. 281]. Использование появившихся академических дискурсов было единственно возможным в условиях фактического провала деятельности подобных специалистов. Сотрудники СНБ, государственного департамента и аналитики Пентагона и в кошмарном сне не могли представить развал СССР в 1991 г., притом, что вся их деятельность, в конечном счете, замыкалась на эту цель.

Используя определенные настроения, в том числе академической среды, администрация Дж. Буша приступила к оформлению своей внешнеполитической позиции с учетом произошедших и происходящих изменений. При анализе внешней политики периода нахождения старшего Буша у власти не представляется возможным выделить хотя бы пару концептуальных документов, опираясь на которые можно было бы уяснить внешнеполитическую стратегию республиканской администрации Дж. Буша в сфере внешних отношений. В качестве основных источников для подобного анализа можно использовать президентские речи перед различными аудиториями, на которых артикулировались внешнеполитические послания администрации. Уже в первые месяцы нахождения у власти республиканскую администрацию Дж. Буша подвергли жесткой критике за медлительность, нерешительность: "Весной 1989 г. нас критиковали за медлительность стратегического анализа те, кто ожидал, что мы будем просто продолжать тот курс, который унаследован от администрации Рейгана. Пресса почти ежедневно вопрошала, когда у нас будет закончен анализ, и даже высказала предположение, что он не даст никаких результатов... появились статьи о том, что у администрации не было философии, конструктивных идей и стратегии, и она просто плыла по течению" [2, с. 54]. Критика требовала реакции и администрация "разродилась" четырьмя речами президента. Речь Буша от 17 апреля 1989 года в зале муниципалитета провинциального городка Хэмтрэка была посвящена ситуации в Восточной Европе [2, с. 58]. Речь от 12 мая в университете Энн и Мэри в штате Техас посвящалась взаимоотношениям с СССР [2, с. 59]. Третья речь 21 мая в Бостонском университете актуализировала политику США в отношении стран Западной Европы и речь от 24 мая в Академии береговой охраны "в соответствии с местом события была посвящена вопросам внешней стратегии и проблемам контроля над вооружениями в 90-х годах" [2, с. 61]. Речи американского президента в отсутствие концептуальных документов являются уникальными источниками в анализе внешней политики и

процесса формирования данной политики.

Знаковым для нашего исследования является телевизионное обращение президента Буша к американскому Конгрессу 11 сентября 1990 г. Тогда президент не только обратился к конгрессменам за одобрением военной операции против Ирака. Буш и его команда начали формулировать свое принципиально новое видение мира, мира, складывающегося после окончания полувековой холодной войны. Президент в обращении к конгрессменам указал на то, что времена изменились радикально и теперь ни один диктатор в мире не может использовать себе на пользу конфронтацию между Востоком и Западом. "Мы переживаем, – говорил Буш, – уникальный и экстраординарный период зарождения нового партнерства всех народов. Кризис в Персидском заливе дает нам редкую возможность перехода к тому, что является еще одной целью США на данном этапе – новому мировому порядку, который вполне способен родиться на основе преодоления нынешних трудностей". Этот порядок, по словам Буша, будет свободен от боязни террора, но даст возможность установить прочный мир и всеобщую справедливость. Это будет эра, когда каждая нация с востока и запада, с севера и юга получит возможность расцвета и гармоничной жизни, утверждал президент США.

Через полгода (29 января 1991 года) последовало очередное, третье для Буша послание Конгрессу. Американский президент вновь возвращается к своей идее нового мирового порядка. Буш говорил, что уже два столетия Америка борется за свободу и сегодня является мировым лидером на пути к ней. На повестке дня не просто судьба маленькой страны – Ирака, на повестке дня большая идея, идея нового мирового порядка, в рамках которого можно достичь того, к чему всегда стремилось человечество – мира и безопасности, свободы и торжества закона. Такой мир, по словам Джорджа Буша, стоит того, чтобы за него бороться, стоит того, чтобы стать основой будущего мира для наших детей. Мы, уверенно говорил американский президент, можем наконец воспользоваться нынешними возможностями и достичь этого нового мирового порядка, где не будет жестокости, а любая агрессивность будет сталкиваться с коллективным отпором. "Перед нами встает видение нового партнерства наций, перешагнувших порог "холодной войны". Партнерства, основано на консультациях, сотрудничестве и коллективных действиях, особенно через международные и региональные организации. Партнерства, объединенного принципом и властью права и поддерживаемого справедливым распределением расходов и обязанностей. Партнерства, целью которого является приращение демократии, приращение процветания, приращение мира и сокращение вооружений" [4, с. 733]. Последнее высказывание президента США содержит те определяющие принципы, на которых американскому правительству предстоит проводить внешнюю политику, а в более широком смысле это принципы "нового мирового порядка". Во-первых, это верховенство права (законов), в том числе и при разрешении конфликтов; во-вторых, эффективное использование мирных ресурсов в разрешении конфликтов, опираясь на соответствующие международные организации; в-третьих, сокращение вооружений, контроль над ними.

Однако неожиданная победа американской модели демократии сыграла с администрацией Дж. Буша злую шутку. Шутка заключается в неожиданности наступления этой победы. Американские стратеги и теоретики потеряли ориентиры и не могли оперативно отказаться от биполярной системы международных отношений, как некогда немецкие генералы, вынужденные в 1914 г. объявить войну России в силу неспособности изменить подготовленные планы ведения войны на два фронта. Республиканская администрация задумывала "новый мировой порядок"

как концепцию по созданию благоприятной для США инфраструктуры, способствующей распространению растущего влияния после окончания холодной войны на длительный период [9, с. 31]. Первоначальные иллюзии по поводу предстоящего "абсолютного" мира постепенно утрачивались. Администрация Белого дома приходит к пониманию того, что конфликт между Ираком и Кувейтом не последний, который потребует вмешательства мирового сообщества, в том числе и Соединенных Штатов. "Группировка Буша исходила из того, что рост нестабильности в мире угрожает национальной безопасности США, если не сейчас, то в перспективе, и что, следовательно, пользуясь свойственной переходному периоду незавершенностью, подвижностью происходящих процессов, Соединенным Штатам необходимо активно вовлекаться в них, чтобы, по возможности, попытаться задать им отвечающие стратегическим американским интересам параметры" [9, с. 39].

Упомянутые национальные интересы, как концептуальная основа внешней политики, были абсолютной догмой для всех республиканских администраций, как прошлого, так и настоящего. Если теоретическое обоснование подобного наполнения внешней политики представила в середине 20 в. "Школа политического реализма", то одним из первых "реальных" политиков, кто обосновывал зависимость проведения внешней политики от национальных интересов был именно президент США от республиканской партии начала века – Теодор Рузвельт. "Рузвельт был первым президентом, настаивавшим на том, что долг Америки – распространять свое влияние на весь земной шар и строить отношения с миром на основе концепции национальных интересов... Рузвельт основывался на предположении, что США являются такой же державой, как и все прочие, а не уникальным воплощением добродетелей. И если интересы страны сталкиваются с интересами других стран, Америка несет на себе обязательство собственной мощью переломить ситуацию в свою пользу" [4, с. 33]. Указание на схожесть американского государства с другими государствами является знаменательным. "Согласно концепции Рузвельта, Америка должна была стать нацией в ряду прочих наций: могущественнее, чем большинство из них. Но все, же и ей следует подчиняться историческим законам равновесия сил" [4, с. 36]. Именно данной схемы в большей степени придерживались все последующие республиканские администрации, в отличие от демократов, которые как истинные последователи "международного морализма" Вудро Вильсона отводили США особую роль, заключающуюся в исполнении роли путеводного маяка для всего остального человечества. При этом заранее отметили, что те же самые демократы в будущем не раз использовали разработанную Т. Рузвельтом и теоретически обоснованную схему зависимости проведения внешней политики от национальных интересов.

Ведущий теоретик современного американского "республиканизма", внесший значительный вклад во все доктрины республиканских администраций от Никсона до Буша, Генри Киссинджер утверждал, что с окончанием холодной войны настало время для строительства нового мирового порядка, который, как и в прошлом, несмотря ни на что, будет определяться только имеющимися национальными интересами. "Отсутствие всеобъемлющей угрозы как идеологической, так и стратегической, дает нациям свободу ведения внешней политики, во все большей степени базирующейся на сиюминутных национальных интересах. В международной системе, для которой характерно наличие, возможно, пяти или шести великих держав и множества меньших государств, порядок должен возникнуть в основном, как и в прошлые столетия, на базе примирения и балансирования соперничающих национальных интересов" [4, с. 733]. Подвергая резкой критике "международный морализм"

демократов, Генри Киссинджер указывает на то, что, начиная от президента Буша, и последующим поколениям американских политиков придется засучив рукава "формулировать концепцию национальных интересов и объяснить, как обеспечение национальных интересов – в Европе и Азии – служит поддержанию равновесия сил. Америке потребуются партнеры в деле сохранения равновесия в ряде регионов мира, и этих партнеров не всегда придется выбирать из одних лишь моральных соображений. Потому четкое определение национальных интересов потребуется для того, чтобы существенным образом направлять американскую политику" [4, с. 733].

Активное вовлечение США в международные дела, основанное на базе национальных интересов, является центральным положением концепции "нового мирового порядка". В качестве центральных приоритетов своей внешнеполитической стратегии (стратегии национальной безопасности) США рассматривали, во-первых, распространение "победившей" либеральной демократии и ценностей рынка; во-вторых, обеспечение глобальной безопасности [18]. Помимо глобальных целей в 1991 г. в документах Белого дома уже вырисовались контуры подхода к урегулированию потенциальных межнациональных конфликтов и к возможному противоречию в системе международного права, заключающемуся в нерушимости территориальных границ, с одной стороны, и самоопределением и соблюдением прав граждан с другой. Важнейшими составными частями данного подхода являлись: "способствовать предоставлению широких прав национальным меньшинствам; выработать единые критерии признания нарождающихся государственных образований, обращая внимание, прежде всего на их приверженность демократии, согласие с международными стандартами защиты прав человека, уважение существующих границ, гарантирование прав национальных и религиозных меньшинств; определить критерии военного вмешательства в защиту прав человека и национальных меньшинств с учетом того, что традиционный принцип невмешательства во внутренние дела подвергается в современных условиях, определенной корректировки со стороны международного сообщества" [6, с. 29-30].

Анализируя положения представленного подхода, необходимо обратить внимание на утверждение, которое ставит под сомнение один из важнейших принципов международного права – невмешательство во внутренние дела другого государства, полноправного члена мирового сообщества. Чиновники Белого дома сочли данный принцип частично устаревшим и признали необходимость его корректировки. Не менее важным является утверждение о том, что такое вмешательство может быть военным, не просто осуждение, порицание и введение всевозможных санкций, а именно, военная операция. Обозначение подобного положения во внешнеполитических документах США отражает осознание трансформации международных отношений, связанной, прежде всего с крахом биполярной системы. В условиях биполярного противостояния подобное положение в принципе не могло быть осуществлено, например в сфере влияния Советского Союза. Крушение в 1991 г. СССР и политика, проводимая им в последние месяцы своего существования (например, СССР не препятствовал в ООН политике США в отношении Ирака), укоренили в сознании американских политиков выпавший на их долю и время шанс продемонстрировать внешнеполитическое величие собственной страны. "В мире по окончании "холодной войны" Соединенные Штаты остались единственной сверхдержавой, которая обладает возможностью вмешательства в любой части земного шара" [4, с. 733]. Естественно, что в условиях "победившей" модели либеральной демократии приверженность этой самой демократии как критерия возмож-

ности применения вооруженных сил должна определяться самими носителями данной демократии, а кто, кроме США и их союзников, доказали себя ее истинными последователями. Проанализировав постсоветский расклад внешнеполитических сил, в том числе в Совете Безопасности ООН, можно было бы предположить, что, имея практически абсолютную лояльность со стороны Великобритании и Франции и прозападную политику Российской Федерации в лице министра иностранных дел А. Козырева и нежелание Китая вмешиваться в дела, его прямо не затрагивающие, США могли рассчитывать на успешность в реализации своей стратегии национальной безопасности.

При этом американское правительство осознавало, что в продвижении этих целей оно должно нести серьезные материальные издержки. Однако часть обозначенных издержек должна лечь на союзников, которые, по мнению стратегов США, осознавали для себя подобную "участь". Однако проблема и заключается в том, что не все осознавали или желали осознавать свою участь. События последующих лет (Гаити, Сомали, Югославия) показали, что подобные ожидания не всегда оправдывались, а значит, в определенной мере и ожидания, связанные со всей концепцией "нового мирового порядка", в конечном счете, также не оправдывались. Значительная доля стран мирового демократического лагеря была не готова нести материальные, финансовые и людские затраты, а в значительной мере потери в защиту общедемократических завоеваний при отсутствии непосредственной угрозы собственным национальным интересам, которые не распространялись так широко и глобально, как у США. "Мировое сообщество в достаточной степени готово сотрудничать в деле "поддержания мира" – то есть в обеспечении существующих соглашений, не оспариваемых какой-либо из сторон, – но в достаточной мере уклончиво относится к "обеспечению мира", то есть подавлению реальных вызовов мировому порядку. Это неудивительно, ибо даже США до сих пор не выработали ясной концепции того, чему будет противодействовать в одностороннем порядке после окончания "холодной войны" [4, с. 733].

Альтруистические попытки, предпринятые США по установлению "нового мирового порядка", после прохладного отношения со стороны американских союзников, в конечном счете, выливаются в состояние, при котором администрация Дж. Буша была вынуждена пытаться усилиями одного государства (США) добиться "абсолютной" безопасности путем наращивания военной мощи. Наращивание военной мощи и затрат на проведение стратегии национальной безопасности требовали прежде всего увеличения бюджетных ассигнований. Однако годы правления Дж. Буша пришлись на период спада экономической активности и, как следствие, экономический кризис. В этой связи Дж. Буш не смог найти поддержки в оппозиционном "демократическом" Конгрессе и, самое главное, у граждан Америки. "Опросы населения обычно показывали, что если страна не вела войну или не была втянута в кризисную ситуацию, то американцев гораздо больше интересовали проблемы внутренней, а не внешней политики" [7, с. 370-371].

Американцы весьма болезненно относятся к собственному благосостоянию, а при ухудшении последнего их в меньшей степени интересуют внешнеполитические инициативы. "В 1992 – 1994 годах – отношение к внешней политике впервые за несколько десятилетий стало одним из ключевых для американского электората. Если прежде почти не было сомнения в правильности активистской внешней политики, ныне почти столь же ясно, что страна обращается, прежде всего, к внутренним нуждам" [12, с. 24]. Когда перед американцами стоит выбор между собственным экономическим благополучием и распространению демократи-

ческих ценностей, где то в Африке или Азии, то американцы выбирают первое. После того как национальному правительству удастся восстановить данное благосостояние, американский народ более снисходительно относится к глобалистским устремлениям своего руководства. "Американцы, привыкшие к нормальной жизни, не желают жертвовать даже незначительной толикой своего благополучия ради футуристических глобальных проектов. На сегодняшний день подавляющее большинство американского населения стоит на той точке зрения, что руководству страны непозволительно затрачивать столько сил и средств на продвижение идеала демократии и рынка за границей, когда масса вещей требует починки и замены в собственном американском доме" [9, с. 36].

Экономический кризис, поразивший американскую экономику в годы нахождения у власти Дж. Буша, вызвал к жизни пессимистические настроения по поводу возможности проведения столь явно выраженной активистской внешней политики и возможности после краха биполярной системы эффективно выполнять возложенные на себя функции мирового лидера. Подобные пессимистические настроения не возникли неожиданно, они имели место и раньше. Преимущественно американский упадок прогнозировался в сфере экономики и на то имелись опасения. Время появления данных исследований приходится на годы спада экономической активности в 70-е – начало 80-х гг., а также время "кончины рейганомики" в 1987 – 1991 гг. [17; 19]. Наиболее критическими исследованиями по поводу перспектив развития США являлись работы Пола Кеннеди: "Воскрешение и грехопадение великих держав: Экономические изменения и военные конфликты от 1500-2000" и "Готовясь к двадцать первому веку" [15; 16]. Используя статистические данные (экономические, социальные и др.) по поводу развития американского государства, П. Кеннеди пришел к неутешительным выводам и поставил под сомнение утверждение подавляющего числа американских аналитиков по поводу грядущего "Американского века" [10, с. 88-98].

Пессимистические настроения части американской академической среды распространились на широкие массы населения. По результатам многочисленных социологических опросов популярность президента Дж. Буша в начале 90-х гг. если не прогрессивно, но все-таки падала. В декабре 1991 г. популярность Буша впервые за все время пребывания во главе администрации упала ниже отметки 50 %. Как свидетельствуют опубликованные результаты опроса, проведенного по заказу телекомпании Эй-Би-Си и газеты "Вашингтон пост", лишь 47 % американцев выразили общее удовлетворение деятельностью Буша на посту президента, 50 % выставили ему неудовлетворительную оценку" [9, с. 35]. Активное вовлечение США во внешнеполитические вопросы вызывало не только непонимание, но заслуженную критику и осуждение политики республиканской администрации, в том числе и стратегии национальной безопасности. Претензии на наведение "нового мирового порядка" в мире поляризовало американское общественное мнение, резонно полагающее, что сперва стоило навести порядок в самих США [9, с. 35].

Американская политическая элита вслед за населением раскололась условно на лагерь "неоинтервенционалистов" и "неоизоляционистов". При этом заметим, что подобная стратификация американской политической элиты существовала на протяжении всей истории американского государства и особенно проявилась в XX веке. Исторически сложилось так, что республиканцы преимущественно тяготеют к изоляционистскому лагерю, а демократы со времен В. Вильсона к лагерю интервенционалистов. Однако тот же изоляционизм нельзя понимать как абсолютную замкнутость периода XIX – начала XX веков.

Современный американский изоляционизм представлен в видеоиз-

мененной и адаптированной к современным реалиям форме. Несмотря на то, что за четыре года пребывания в Белом доме республиканская администрация Дж. Буша предприняла две крупные военные операции в Панаме и Персидском заливе, мы не можем в сравнении с деятельностью администрации Б. Клинтона отнести действия республиканцев к стойкому интервенционизму или изоляционизму. Действия американцев в Панаме или в Персидском заливе отвечали жизненным интересам США. Операция в Панаме по сохранению контроля над Панамским каналом и операция "Буря в пустыне" отвечала первостепенным политическим и экономическим интересам, заключающимся в недопущении господства враждебной державы в стратегическом регионе земного шара (Панамы) и обеспечении доступа к материальным ресурсам мира (Персидский залив). Весьма четко по этому поводу высказался в своих воспоминаниях республиканский президент Р. Никсон: "Мы не можем позволить себе отстаивать каждую пядь свободного мира. Такая политика быстро истощила бы наши ограниченные возможности. Вместо этого нам следует научиться проводить различия между нашими важными и первоочередными геополитическими интересами. Западная Европа, Япония, Персидский залив, Мексика и Канада – вот те страны, которые находятся в сфере первостепенных интересов Америки... Большинство остальных стран, находящихся в других регионах мира, лишь в незначительной степени влияют на безопасность стран, входящих в круг наших первостепенных и второстепенных интересов, и, соответственно, интересуют нас меньше" [7, с. 373].

В любой из перечисленных ситуаций находящаяся в Белом доме администрация, вне зависимости от партийной принадлежности, предприняла адекватные меры и в Панаме и в Персидском заливе. Отставание жизненных национальных интересов в современной ситуации нельзя рассматривать как проявление интервенционализма в отличие от ситуации, при которой США начинают вовлекаться в разного рода конфликты, которые напрямую не относятся к сфере жизненно важных интересов и условно могут быть отнесены к сфере преходящих периферийных интересов.

Последовательный американский изоляционизм конца XX века заключался "в концентрации внимания на внутренних аспектах развития страны (федеральный долг, бюджетный дефицит, преступность и др.) вместо внешнеполитических" [8, с. 181-182]. В этой связи мы не можем отнести внешнеполитическую позицию администрации Дж. Буша к последовательному изоляционизму, так как успехи данной администрации в политике внутренней, в отличие от внешней, оставляли желать лучшего и, даже более, они практически отсутствовали. Но с другой стороны, явно интервенциалистская внешнеполитическая программа "нового мирового порядка" преимущественно оставалась таковой на бумаге. После того как американские инициативы в сфере внешней политики не нашли живого отклика у своих союзников по причине огромных материальных затрат и натолкнулись на жесткую критику внутри страны, Белый дом снизил свою внешнеполитическую активность, что проявилось в действиях республиканцев на Балканах, когда они передали урегулирование зарождающегося межэтнического конфликта европейцам. При этом подобная первоначальная реакция по поводу ситуации на Балканах отвечала как раз обозначенным национальным интересам США. В этом конфликте, в отличие от Панамского или Персидского не затрагивались жизненные интересы американского государства.

Противоречивость внешней политики США (лабиринты между изоляционистской и интервенционалистской линией поведения) объясняется еще тем обстоятельством, что администрация Буша на протяже-

нии всего своего срока пребывания постоянно находилась под критикой как "демократического" Конгресса так и своих правых "собратьев" по партии. Позиция демократов была скорее конъюнктурной, чем отвечающей идеологическим установкам американских демократов, обозначенных еще В. Вильсоном в своих знаменитых "Четырнадцать пунктов". Демократы на всем протяжении в отличие от республиканцев занимали явно выраженную интервенционалистскую позицию. Их "изоляционистская мимикрия" конца 80-х – начала 90 гг. отвечала конъюнктурным интересам, заключающимся главным образом в том, чтобы после республиканского десятилетия занять президентское кресло в Белом доме. В преследовании данной цели все средства хороши. В этой связи "демократический неизоляционизм", заключающийся в том, что, в отличие от 1941 г., величайшие вызовы США лежат в пределах ее границ, а не за рубежом, является при учете последующего внешнеполитического поведения администрации Б. Клинтона чрезмерно натянутым [14].

В отличие от ожидаемой демократической критики, критика республиканских правых внешнеполитических начинаний Дж. Буша была для последнего наиболее болезненной. Поражение Дж. Буша на президентских выборах от Б. Клинтона дало почву для разговоров о том, что внутрипартийные разногласия республиканцев не позволили мобилизовать достаточных ресурсов для победы в президентской гонке. Условно Дж. Буша и его окружение можно отнести к "левоцентристскому республиканизму". Еще в 1980 г. Джордж Буш предпринял свою первую президентскую кампанию, в результате первого этапа которой должен был определиться кандидат от республиканской партии. В результате данного этапа обозначились два претендента, одним из них был Дж. Буш, а вторым будущий президент США Р. Рейган. В мае 1980 г. по настоянию своего ближайшего друга, сыгравшего в политической карьере семейства Бушей важную роль, Джеймса Бейкера, Буш прекратил предвыборную борьбу. Тогда Рональд Рейган стал единственным кандидатом от республиканцев, что способствовало предотвращению партийного раскола и мобилизации ресурсов на победу в борьбе с демократами. "Знакомые американские журналисты рассказывали, что в тот момент Буш еще не был морально готов сложить оружие и бросить все силы на помощь своему сопернику Рейгану. Но Бейкер не стал ждать, когда его друг и политический наставник примирится с мыслью о поражении. В конфиденциальном порядке он сообщил нескольким доверенным репортерам, что Джордж Буш выходит из игры... Если бы Буш тогда промедлил со снятием своей кандидатуры, то, по широко распространенному в Вашингтоне мнению, он попросту не получил бы от Рейгана предложение баллотироваться на выборах в качестве "второго номера" – кандидатом в вице-президенты. Говоря иными словами, своевременный совет и решительные действия Бейкера в далекие майские дни 1980 года в известной степени продолжили Бушу дорогу в Белый дом восемь лет спустя. "Джордж никогда этого не признает, но я могу это сделать: вице-президентство было запасным вариантом, – скажет Бейкер после выборов. – Я постоянно об этом думал и при каждой возможности старался приглушить риторику в адрес Рейгана" [3, с. 247].

После победы Буша на выборах 1988 г. и ухода значительной части команды Рейгана "левоцентристский" республиканизм новой администрации стал преобладающим в среде республиканцев, однако это не означало исчезновение оппозиции внутри партии. Выборы 1988 г. в силу договоренностей и в силу устоявшейся традиции, по которой вице-президент предыдущей администрации становится официальным кандидатом от партии, ознаменовались менее заметной борьбой для простых обывателей, но важной для нашего исследования. Одним из оппонентов

от республиканской партии в 1988 г. выступил видный республиканский деятель конгрессмен Боб Доул. Именно он впоследствии стал олицетворять правое крыло республиканской партии, резко критиковавшее политику Буша. После поражения в 1992 г. Буша от Клинтона именно Доул становится лидером республиканского большинства в Конгрессе и лидером партии в целом, отгеснив на второй план техасский клан Бушей. Поправевшая и постаревшая с приходом Доула республиканская партия в сравнении с мобильной и легко адаптирующейся молодой партией демократов проиграла очередную президентскую кампанию 1996 г. Клинтону – Гору. Доул в свое время не доверился совету бывалого республиканца Р. Никсона, данному политикам и проиллюстрированному на примере того же Доула. Никсон советовал меньше доверять опросам общественного мнения и больше слушаться своей внутренней интуиции. "При окончательном анализе самым точным результатом опроса является "чутье" самого кандидата на ход кампании. Боб Доул – великолепный, тонко чувствующий ход кампании политик – промахнулся во время предварительных выборов в 1988 году в Нью-Гэмпшире, доверившись своим специалистам по опросам общественного мнения, а не своей интуиции. Посчитав, что он намного опережает Джорджа Буша, Боб сделал несколько резких выпадов по телевидению и в результате проиграл" [7, с. 302]. Возле Доула не было такого человека, вроде Дж. Бейкера, который мог бы подсказать ему сделать правильный выбор. Вокруг Доула не было той команды единомышленников – профессионалов, которых сумел собрать Буш в 1988 году.

Продолжение следует

Литература

1. Биго Д. Проблемы безопасности: теоретические дискуссии и институциональный контекст // Международные отношения: социологические подходы. / Рук. Авт. колл. Проф. П.А. Цыганков – М.: Гардарики, 1998. 352 с.
2. Буш Дж., Скоукрофт Б. Мир стал другим. Пер. с англ. М.: Международные отношения, 2004. 504 с.
3. Игнатъев И. Джеймс Эддисон Бейкер. "Младший брат" президента / О них говорят. М., 1991
4. Киссинджер Г. Дипломатия. Пер. с англ. В. В. Львова / Послесл. Г.А. Арбатова. М., Ладомир, 1997. 848 с.
5. Кто есть кто в мировой политике / Редкол.: Кравченко Л. П. (отв.ред.) и др. М.: Политиздат, 1990 559 с.
6. Михеев В.С. Новые подходы в Европейской политике Вашингтона. Концепция "нового атлантизма" // США: экономика, политика, идеология. 1993. № 2. С. 23-31.
7. Никсон Р. На арене. Воспоминания о победах, поражениях и возрождении. М.: Новости, 1992. 440 с.
8. Смитиенко Б.М. "Америкоцентризм" и полицентризм в мировой экономике на рубеже 20-21 столетий // США и внешний мир. Материалы 4 научной конференции Ассоциации изучения США. М.: Изд-во МГУ, 1997. 256 с.
9. Спасский Н. Новое мышление по американски: танго без партнера // Мировая экономика и международные отношения. 1992. № 7.
10. Трофименко Г.А. Сверхдержава ли Америка? // США и внешний мир. Материалы 4 научной конференции Ассоциации изучения США. М.: Изд-во

МГУ, 1997. С. 88-97.

11. Устинова Ю. Как правильно начинать войну [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intertrends.ru/seventh/015.htm> [Дата обращения: 30.10.2010 г.]

12. Уткин А.И. Сомнения сверхдержавы // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 11.

13. Khong Y.H. Analogies at War: Korea, Munich, Dien Bien Phu, and the Vietnam Decisions of 1965. Princeton University Press. 1992. 304 pp

14. Hyland W. The case for Pragmatism. America and the World 1991-1992 // Foreign Affairs, 1992, January.

15. Kennedy P. The rise and fall of great powers: Economic changes and military conflicts from 1500-2000. N.Y., 1987

16. Kennedy P. Preparing for The Twenty – First Century. N.Y., 1993.

17. Modelsky G. The long cycle of global and the nation state // Comparative studies in society and history. 20. 1978. April, 214-238.

18. National Military Strategy of the USA, January 1992. [Электронный ресурс]. URL: <http://dosfan.lib.uic.edu/dosfan.html>. [Дата обращения: 30.08.2001 г.]

19. Olson M. The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation, and Social Rigidities. New Haven: Yale University Press, 1982.

20. Yetiv S. Explaining Foreign Policy: U.S. Decision-Making and the Persian Gulf War. Baltimore – London: The Johns Hopkins University Press, 2004. 288 p.